

БЕЛАРУСЬ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ
(размышления о книге Сергея Борисова и Юлии Юшковой-Борисовой
«Понять Беларусь: записки странствующих социологов»)¹

BELARUS THROUGH THE RUSSIAN SOCIOLOGISTS' VIEWS
(thinking over the book by Sergey Borisov and Julia Yushkova-Borisova
«To understand Belarus: the notices of wandering sociologists»)

Книга «Понять Беларусь: записки странствующих социологов» вполне оправданно и справедливо адресована прежде всего российским читателям. Дело в том, что еще во времена правления Б. Н. Ельцина и под его патронажем суверенная Беларусь получила возможность устанавливать торгово-экономические и культурные связи напрямую с субъектами Российской Федерации. Сегодня такие связи налажены почти со всеми регионами России – от Сахалина и Владивостока до Смоленска и Брянска. Процесс взаимного сотрудничества начинается с посещения Беларуси российским губернатором (или соответствующим руководителем), стоящим во главе солидной группы специалистов. Их принимает Президент Республики Беларусь во Дворце Независимости, где с участием представителей белорусской стороны проходит знакомство и обсуждение перспектив делового сотрудничества, которое обязательно должно быть взаимовыгодным, а не похожим на *zero-sum game* (игру с нулевой суммой). Далее гости по своему усмотрению посещают заводы и фабрики, сельхозпредприятия, научные и образовательные учреждения, строительные и транспортные организации, подыскивая то, что им нужно. В итоге эти «выборы» закрепляются соответствующими договорами, которые пролонгируются.

Существенным является и то, что по этим тропинкам со всех концов необъятной России двинулись в Беларусь простые люди: одни – за покупками, другие – ради отдыха и оздоровления, третьи – познакомиться с культурными достопримечательностями Несвижа, Мира и других мест, почтить памятники Великой Отечественной войны: Брестскую крепость, Тростенец, Хатынь и др. Всем таким путешественникам информация авторов рассматриваемой книги, их исторические экскурсии, рефлексии и ментальные зарисовки, оценки и рассуждения респондентов будут интересны и полезны.

Несомненно, авторское исследование привлечет внимание и литовских историков, будет полезно для более адекватных оценок роли белорус-

ского и литовского этносов в истории ВКЛ, ведь не случайно его называли Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским. Прочитают книгу и в Польше (которую Ватикан *ab ovo* назначил на роль клина для дробления византийского православного христианства) с тягостной мыслью о том, почему же не удалось ни окатоличить, ни ополячить население «восточных кресов», ни насадить здесь, прежде всего на территории современной Беларуси, подчиненное Римской церкви униатство. Слишком стойкими в вере, укорененными в свою землю, в «кормящий ландшафт» (по Гумилеву), оказались живущие здесь люди. Очень хотелось бы, чтобы книга С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой помогла украинцам последовать примеру Беларуси, найти выход из мировоззренческого тупика, связанного с попыткой создания моноэтнуса и «лихорадкой этнократии», преодолеть экзистенциальный хаос и обрести единственно правильное, перспективное решение – путь восточнославянской интеграции.

Профессионалов в области социогуманитарных наук особенно привлекает методология и практика нового научного направления, названного авторами «социология странствия». Термин «странствие» известен издавна, он связан с историей мифического героя Троянской войны Одиссея, возвращавшегося на родину в Итаку со множеством приключений, или отцов-пилигримов, пуритан, сбежавших от преследования англиканской церкви в Голландию, а позже, в 1620 г., в Америку и заложивших основы нового государства – США, а также с именами многих путешественников, первопроходцев, открывателей новых земель, фанатичных миссионеров и многих других. Гуманитарное начало странствиям придали антропологи и этнографы Н. Н. Миклухо-Маклай, Б. Малиновский, Маргарет Мид и иные путешественники, которые изучали примитивные (архаичные) народы путем включенного наблюдения (вживания) и систематического анализа полученных данных. Социологов в их числе не было, за исключением, пожалуй, только Уильяма Уорнера, изучавшего жизненный уклад

¹Борисов С., Юшкова-Борисова Ю. Понять Беларусь: записки странствующих социологов. [Б. м.] : Изд. Решения, 2019. 214 с.

австралийских аборигенов. Итогом его трудов стала книга «Черная цивилизация», готовившаяся как докторская диссертация, которую, однако, он не защитил, поскольку был увлечен текущей работой. У. Уорнер являлся бакалавром, а с 1955 г. – магистром. Его исследование выполнено в духе социальной антропологии, которую он, правда, считал подразделом социологии.

Безусловно, многим белорусским социологам приходилось странствовать с научными целями, проводить исследования в других государствах, но задачи изучить историю, культуру, менталитет или национальные отношения в стране пребывания перед нами никто не ставил: ни заказчик, ни наш институт, ни мы сами. Вспоминаются, например, наши исследования еще советского времени (1988) в Туркменистане, в г. Кировабаде, на рыбоперерабатывающем комбинате, расположенном на берегу Каспийского моря (мы, как сейчас сказали бы, выиграли тендер). Впечатлений множество: от города среди песков (как мираж), от базара с горами арбузов и дынь, множеством других фруктов и ягод, от разнообразия морской продукции и т. д. Для белоруса очень непривычно видеть город почти без газонов, скверов, парков, зеленой травы и насаждений, а за городом – бескрайнюю пустыню; здесь нет леса, темнеющего на горизонте. Местный гид улыбается: «Вам надо было приехать ранней весной, когда пустыня – это сплошной цветной ковер, когда к нам приезжает множество гостей, особенно из Риги, которые любят цветы и заготавливают их здесь для своего бальзама». Я проводил интервью с капитанами всех 12 рыболовных судов, принадлежащих комбинату. Врезались в память слова капитана плавбазы по производству рыбной муки, туркмена по национальности. Он рассказывал о технологии лова: «Выходим ночью в море, опускаем на глубину шланги-трубы, включаем свет у их отверстий для приманки рыбы и начинаем насосами закачивать воду вместе с рыбой на палубу – вода стекает, рыба остается. Беда в том, что не придумана защита от попадания мальков. И если так ловить, то море может остаться со временем без рыбы». Но парадокс в том, что все наши внеученные наблюдения и впечатления не могли найти место в отчете.

Социология странствия позволяет исследователю избежать подобных парадоксов. Приведем слова Сергея Борисова, характеризующие данную ситуацию: «Наша социология странствия – это органичное сочетание различных способов научно-исследовательского познания с внеучеными формами постижения действительности. Это – активная разведка новых пространств, новой реальности путем вживания в нее, путем тестирования ее не только интеллектом и логикой, но и всеми органами чувств, эмоциями, непосредственным контактом, своими, образно говоря, боками. Это

полноценное и ненарочитое включение познаваемой реальности в собственный жизненный опыт. Иначе говоря, социология странствия – это то, что вырастает из твоей работы в часть твоей жизни» (с. 14). Автор выделяет следующие пять признаков социологии странствия:

1) единство субъекта исследования. Имеется в виду, что традиционное разделение труда (использование опросной сети и т. п.) здесь недопустимо. Все процедуры – от наблюдения, интервью до анализа и создания итогового продукта – должен выполнить сам исследователь. Помощники могут привлекаться только для вспомогательных технических работ. Видимо, то, что одна из глав книги написана Юлией Юшковой-Борисовой, не противоречит принципу моносубъектности. Субъект, как известно, может быть не только атомарным или сингулярным (единичным), но и сложным, составным, при условии сохранения его целостности и общей субъективности. Кстати, этот момент следовало бы отметить специально;

2) личное присутствие на исследовательском поле, минимизация заочного и дистанционного познания;

3) использование субъектом всех своих познавательных возможностей: опыта, навыков, эрудиции, интуиции, чувственного восприятия;

4) гибкое планирование, готовность скорректировать намеченные задания, оперативно реагировать на неожиданные изменения ситуации исследования;

5) снятие запрета на личное отношение к объекту исследования. Предполагается, что возможные субъективизм и предвзятость компенсируются дополнительным (углубленным) знанием.

Все это представляет несомненный интерес для практикующих социологов, позволяет задуматься о возможности и допустимости адаптации этих пяти признаков к прикладным эмпирико-социологическим (особенно маркетинговым) исследованиям, в немногих из которых излишен дух позитивизма.

В первой главе книги авторы коротко представляют себя. Оба они работают в экспертном центре «Мера» – негосударственном научно-исследовательском учреждении. Такая позиция может смутить некоторых белорусских читателей, учитывая, что отечественные негосударственные организации работают в большинстве своем на зарубежных (западных) заказчиков и финансируются ими. Соответственно, в такой ситуации возникает zaangażованность, вольное или невольное стремление понравиться тому, кто платит, независимо даже от мировоззрения или личных убеждений, просто ради заработка. Отсюда появляются и преимущественные установки на поиск и обыгрывание негатива, инфернальный отказ признавать и хотя бы упоминать современные достижения белорусского

суверенного государства и общества. Особенно это характерно для негосударственных СМИ и телеграм-каналов, которые и сегодня, во время пика респираторных заболеваний, твердят, что правительство скрывает информацию о распространении коронавируса, о числе заразившихся и погибших.

Однако внимательное прочтение текстов рецензируемой книги убедительно показывает, что сомнения и опасения такого рода относительно российских авторов совершенно неуместны. Во-первых, в России негосударственные организации и учреждения отличаются тем, что у них преобладает доля внутренних заказчиков. Так, С. Борисов отмечает: «Со второй половины 2000-х годов Экспертный центр “Мера” активно работал по социокультурной тематике в рамках исследовательско-консалтинговых проектов в регионах и городах России: Нижнем Новгороде, Перми, Ульяновске. Там, в частности, серьезно разрабатывалась тема комбинации субкультур в рамках региональных и муниципальных культурно-ментальных матриц (“регионалитетов”, по нашей терминологии)» (с. 13).

Во-вторых, в книге специально подчеркивается: «По мере роста тематической компетенции и человеческой включенности в исследуемую среду зреет желание спланировать и реализовать свой, *авторский проект*, не стесненный рамками целевого задания, сформулированного заказчиком. Применительно к страноведческой тематике это желание тем сильнее, чем больше открывается оснований убедиться: постсоветская реальность новообразованных государств различается больше, чем это можно было бы ожидать, принимая априори точку зрения, согласно которой “мы все вышли из одного состояния”» (с. 6). В исследовании Беларуси они полностью освободились от влияния заказчика (правда, не объясняется, каким образом удалось этого добиться).

В-третьих, исследователи строго соблюдают правила, изложенные в «Кодексе социолога», касающиеся историко-культурных экскурсов, живых ментальных наблюдений, отношений с респондентами, в частности запрет на оценивание или корректировку суждений, высказанных в интервью, и т. д.

Общее восприятие изучаемой страны и, соответственно, миссии социологии странствия содержится в следующих словах: «Беларусь любит держать паузу, умеет это делать виртуозно. В этом умении – одновременно – главная сила людей этой страны, но, возможно, и главное их уязвимое место. Белорусские паузы иногда утомляют своей затянутостью, но, может быть, дело в недостатке терпения у наблюдателя? Беларусь – страна-стайер, страна с “длинным дыханием”» (с. 4). Эта генерализованная установка многократно воспроизводится, кон-

кретизируется и усиливается. Например, замечая, что исследователю опасно останавливаться на сложившихся стереотипах об объекте изучения, авторы утверждают: «Продуктивней и перспективней исходить из того, что *в лице современной Беларуси мы имеем дело с оригинальным историческим феноменом*. Беларусь уже состоялась как суверенное государство: со своей особой исторической сценарностью, с самобытным общественным укладом, со сложившейся властно-политической моделью. Нужно уважать этот факт, и тогда появится шанс по-настоящему понять Беларусь» (с. 9). Характерен также комментарий авторов относительно предупреждений некоторых коллег (видимо, из оппозиционного лагеря) о возможном противодействии местных органов власти. Эти слухи оказались преувеличены, и авторы констатируют: «Нам в процессе работы ни разу не пришлось столкнуться с какими-либо искусственными препятствиями. Никакого противодействия – явного или скрытого – мы не ощущали. Все люди, которые могли чем-то нам помочь, помогали: советом, рекомендацией, участием» (с. 17).

Вторая глава, в которой Беларусь представлена «широкими мазками», начинается с краткой географической справки. Она вполне уместна, но, к сожалению, здесь допущена досадная ошибка, скорее описка: «При средней европейской плотности населения 31,9 км² на одного жителя, показатель Республики Беларусь – 46,1 км²» (с. 21). Плотность населения, как известно, определяется делением его численности на площадь, т. е. рассчитывается, сколько людей проживает в среднем на единице площади, в данном случае на 1 км². В Беларуси эта цифра составляет 46,1 человек на 1 км². Для сравнения: в Бельгии на 1 км² проживает примерно 340 человек, в Великобритании – 248, в Германии – 230, в России – 8,6, в Канаде – 3,2. Важно также учитывать, какая доля территории (суши) приходится на одного жителя: в Беларуси – 2,2 га, в Бельгии – около 0,30, в Великобритании – 0,38, в Германии – 0,41, в России – 12 га, в Канаде – более 30 га. Беларусь, по сравнению с многими западноевропейскими странами, является малонаселенной. Учитывая, что здесь нет труднодоступных или непригодных по природным условиям мест для жизни людей (даже болотистые местности на Полесье более-менее обжиты), становится ясным, что страна может и должна со временем увеличить численность своего населения в два раза и более.

Российские социологи действительно заметили в белорусской экзистенции (бытии) ряд чувствительных для нашего социума точек, аспектов, которые воспринимаются массовым сознанием и общественным мнением как актуальные вопросы, требующие обсуждения и поиска адекватных решений.

Первым из таких аспектов авторы называют историческую субъектность Беларуси. Они справедливо подчеркивают, что «история чаще пишется как история государств и гораздо реже как история стран» (с. 27), т. е. этносов, народов. Об этом также подробно, с примерами было написано нами в статье «Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов» (Журнал Белорусского государственного университета. Социология, 2019, № 4, с. 48–62). Понятно, что историческая субъектность смещает исследовательскую оптику, делает ее неблагоприятной для Беларуси. Нельзя не согласиться с авторами книги в том, что обоснование исторической субъектности Беларуси «представляется серьезной проблемой для белорусских интеллектуалов (и для всего социума. – С. Ш.). Их системные усилия сосредоточены сейчас главным образом на решении проблемы исторической легитимации нынешней государственности. На первый план помещена задача обосновать право населения современной Беларуси на суверенное государство и – шире – на историческую субъектность» (с. 27).

Если обозреть историю Беларуси, говоря метафорически, «от Всеслава Чародея до Александра Лукашенко», то выявится чрезвычайно сложный, тернистый путь, полный барьеров, извилин и чудовищных, мало кому выпадающих катаклизмов. Она то как будто пропадает, то вдруг восстает, как феникс, из пепла и, преодолевая все препятствия и невзгоды, устремляется вперед. Жизнь показывает, что сбывается пророчество великого поэта Максима Богдановича:

Беларусь, твой народ дачакаецца
Залацістага, яснага дня.
Паглядзі, як усход разгараецца,
Сколькі ў хмарках залётных агня.

Авторы справедливо отмечают: «Собственно, отчет самостоятельной белорусской государственности принято вести от Полоцкого княжества – государственного образования раннего Средневековья, располагавшегося на значительной части современной Беларуси в IX–XIII веках. При всех известных отличиях государственных образований того периода от современных образцов это – признанный исторический опыт самоорганизации местного населения» (с. 29). Сюда уместно добавить и характеристику Всеслава Чародея, данную М. В. Довнар-Запольским: «Он был умен, хитер, изворотлив, но в то же время жизнь его сложилась так, что он многое должен был перенести, перетерпеть. Своим умом, своим беспокойным предприимчивым характером этот князь остался надолго в памяти народа, рассказы эти, передававшиеся

в народе, попали в письменные памятники-летописи и “Слово о полку Игореве”².

Почему же тогда Полоцку не удалось сохранить княжество и превратить его в мощное централизованное белорусское (кривичское) православное государство? Этого не произошло по двум основным причинам. Первая – это длительные распри с Киевом по поводу новгородо-псковских земель. Киевские князья считали, что они, как Рюриковичи, имеют право владения ими по династическому наследованию. Полочане выдвигали свое этническое обоснование: эти земли были впервые освоены полоцкими кривичами. Этот аргумент и сегодня признается приоритетным в территориальных спорах, но киевские князья решили использовать силу. Дело дошло до грандиозной по тем временам битвы на Немиге (1067), так картинно описанной автором «Слова о полку Игореве», где Всеслав потерпел поражение. Но главная причина того, что Полоцкое княжество не стало централизованным государством, заключается во внутренних междоусобицах, связанных с обязательным делением земли между наследниками: братьями, сыновьями, внуками и т. д. Это порождало их автономизацию, провоцировало нескончаемые раздоры, враждебность. В отличие от многих западных государств, где уже существовал узаконенный механизм майората, т. е. наследования только одним – старшим родственником, восточные славяне долго еще придерживались древнего обычая «делить на всех». Междоусобицы помешали укрепиться не только Полоцкому государству – они же разрушили Киевскую Русь, не позволили великому князю Владимиру объединить все силы, чтобы дать отпор татаро-монгольскому нашествию. Опасность междоусобных войн была вполне реальной в Московском государстве и спровоцировала борьбу с боярством и опричнину Ивана Грозного, жестокие меры Петра I против дворянских недорослей, отказывающихся учиться, старообрядцев, диссидентов и «посягающих на престол».

Существуют до сих пор не разрешенные серьезные противоречия относительно Великого княжества Литовского. «Главный соперник Беларуси в борьбе за наследие ВКЛ – это, безусловно, Литва», – справедливо утверждают авторы (с. 31). Воспользовавшись этимологической путаницей в самом названии и другими побочными обстоятельствами, литовцы просто присвоили себе право считаться прямыми и единственными преемниками ВКЛ, вытеснив белорусов из исторических вопросов не столько о первородстве (бог с ним!), сколько о реальном участии и роли белорусского этноса в истории этого государства. Обращаясь ко времени зарождения ВКЛ, полезно учесть ней-

² Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. С. 36.

тральное мнение английских историков: «К XIII в. н. э., под угрозой нападения тевтонских рыцарей и ливонских меченосцев Литва объединилась со своими соседями: частью Украины и Белоруссии, образовав Великое княжество Литовское»³.

На территории Литвы в те времена проживали разные племена: пруссы, литы, жмудь, литголлы, корась, ятвяги. Связывала их, видимо, некоторая близость, похожесть религиозных верований (язычество). Жили они родовым строем, и властное (организующее) начало существовало в форме потестаризма, т. е. по закону общего мнения и авторитета старейшин. Этих старейшин в немецких хрониках стали называть князьями. М. В. Довнар-Запольский, опираясь на летописи, пишет: «Ни торговлей, ни ремеслами литовцы не занимались и даже не имели поселений городского типа. Они жили в лесах, в бедных хижинах, занимались земледелием или бортничеством»⁴.

Понятно, что объединение с христианскими, далеко продвинувшимися народами, как бы оно ни произошло – вполне осознанно или полустихийно, – стало для литовских племен спасительным вариантом как от угрозы со стороны двух католических орденов, имевших поставленные Римской церковью миссионерские задачи (крестить язычников и осваивать их земли), так и для последующего цивилизационного движения. Целесообразно также признать, что летописное название государства звучит так: Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское. Жемойтское – для того, чтобы отметить вклад в создание и деятельность этого государства не только племени литов, но и жемойтов. Присутствие в названии прилагательного русское – это влияние западнорусизма, в рамках которого белорусский этнос рассматривается не как автономный, а как подвид единого русского народа. С точки зрения социологии стоит обратить внимание на любопытный парадокс, случившийся в жизни и научной биографии известного этнографа Е. Ф. Карского (1861–1931). Еще в царское время (1916) ему присвоили звание академика Петербургской академии наук, позже – звание действительного члена Инбелкульта (1922). Ефима Федоровича назначили председателем комиссии по организации Белорусского государственного университета, в обоснование потребности которого для Беларуси он внес значительный вклад. Родился Е. Ф. Карский в Гродно, в белорусской семье, и долгие годы был твердым приверженцем западнорусизма. Возможно, такая позиция была связана с опасениями доминирующего польского влияния – окатоличивания и ополячивания, что наблюдалось в то время в Гродно. Но однажды он решил подтвердить умозрительные положения западнорусизма эмпириче-

скими данными и приступил к глубоким полевым исследованиям белорусского этноса. Многолетняя работа завершилась изданием трехтомной монографии «Белорусы». В ней Е. Ф. Карский не только убедился сам (и признал свою ошибку), но научно доказал то, что было прямо противоположно исходной теории, точнее гипотезе. Он продемонстрировал, многократно проиллюстрировав примерами, что белорусы – ничья не ветвь или подвид, а самостоятельный, уникальный народ, близкий к русскому и украинскому, родственник им по общим генетическим корням, но отличающийся по всем трем этническим признакам, установленным русским этнологом С. М. Широкогоровым (1887–1939): 1) обладающий собственным культурным комплексом – обычаями, укладом жизни, ментальными диспозициями, хранимыми и освященными традициями как основой высших его ценностей, передаваемых новым поколениям; 2) признающий единство происхождения (смешение трех первоначальных племен – дреговичей, радимичей и кривичей – в единый этнос (народ)); 3) имеющий исходную общность языка.

Эти признаки у всех народов неизбежно трансформируются со временем, вслед за изменениями бытия, но в исторической памяти народов сохраняются (если не вербально, то в подсознании) в форме следов, архетипов. Это сущностно значимые переживания предков, способные реактуализироваться в экстремальных ситуациях.

Авторы рецензируемой книги очень четко подметили, а главное, на наш взгляд, правильно разъяснили те затруднения, которые возникают при экспликации белорусского этногенеза даже у самих белорусов, не говоря о сторонних наблюдателях. Приведем их суждение полностью: «Некоторое непонимание и разногласия на почве темы этногенеза местного населения и его идентификации происходят периодически из-за позднего появления этнонима “белорусы”. Мы исходим из того, что даже самое важное слово – это всего лишь слово. Специалисты-этнологи прекрасно знают, что многие современные нации обрели свои нынешние контуры, а часто – и свои нынешние имена – сравнительно недавно: сто, двести, триста лет назад. Так что отсутствие у этноса этнонима с глубокой историей, не менявшегося на протяжении веков, не компрометирует его, уж точно не ставит под сомнение его существование» (с. 24–25).

Наши этнонимы (этнические имена) – Беларусь, белорусскость, белорус – и их производные образованы от названия края – Белая Русь. Это сегодня сомнений не вызывает. Правда, существуют разные мнения относительно дешифровки обоих терминов: почему *Русь* и почему именно *Белая*? Наиболее

³Всемирная история: люди, события, даты / гл. ред. Н. Ярошенко. М. : Ридерз Дайджест, 2001. С. 352.

⁴Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. С. 14.

обоснованной исторически и логически представляется следующая позиция. Термин «Русь» этимологически связан с периодом освоения славянами земель, на которых (по Гумилеву) уже обитали племена россов (или руссов). С россами славяне сошлись мирно (места всем хватало) и постепенно их ассимилировали, но увековечили их имя в великом слове «Русь». После того как усилиями нескольких поколений Рюриковичей было создано новое государство, этот термин широко распространился, появились названия Киевская, Галицкая, Червоная, Великая, Малая, Черная и Белая Русь.

В Московском государстве Белой Русью стали называть земли, которые остались не покоренными татаро-монголами, – в основном северная и северо-восточная часть современной Беларуси. Эпитет *Белая* точнее других объяснил Довнар-Запольский, понимая его как «вольная», «свободная» (от принудительного обложения данью, податями). Некоторые видели в этом эпитете признак цвета – белизну. Т. С. Георгиева пишет: «Белой Русью тогда назывались места, где выпадало много снега»⁵. Очевидно, это не субстанциональная оценка, она напоминает «мягкую мочку уха», которая свойственна только человеку, но не может использоваться для дефиниции понятия «человек» в силу своей несущественности.

Термин «Белая Русь» нельзя отнести к автонимам (самоназваниям), он заимствован из зарубежных источников. На территории Беларуси каких-либо следов языка россов, кажется, не обнаружено. Но, возможно, был прав А. Дударев, включивший легенду о белых россах в свой одноименный фильм. Согласно ей такие люди были, а белыми их назвали за их личностные качества, достойные восхищения потомков. Термин «Белая Русь» закрепился в титуле московских государей: «Князь Великой, Белой и Малой Руси»; латинизированная его форма – *Russia Alba* – вошла во все европейские языки. С возникновением ВКЛ этот термин стал широко употребляться великими князьями для отличия титульного этноса от литовских племен, а также от поляков, ставших католиками. Загадкой остается вопрос о том, что помешало уже тогда конституировать эти термины, назвать страну Беларусь, а народ – белорусами, ведь в XIV в. население ВКЛ на 80 % состояло из этнических белорусов⁶. Было это обыденным равнодушием (*абыякавасць*) к тому, что кажется мелочами или лингвистическим ригоризмом, примитивным консерватизмом, нежеланием выделяться – об этом информации нет. Ясно только одно, что политических препятствий к такому творчеству не существовало, поскольку возникли названия «полешуки», «тутэйшыя», новый этноним «литвины». Это имя получило широкое распространение, вошло в книжный оборот и су-

ществовало даже после того, как Беларусь, белорусы были легитимированы.

Что касается собственно социологической деятельности, т. е. самой исследовательской работы, то, по словам авторов рассматриваемой книги, они использовали метод экспертного интервью. Данный метод широко применяется в социологической науке с разными целями: для зондажа, сравнения, проверки возможных альтернатив анкеты и т. п. Как проводился поиск и отбор экспертов, т. е. высокопрофессиональных компетентов по изучаемой проблематике, не объясняется. «Корпус респондентов нашего исследования составил из представителей основных гуманитарных сфер белорусского общества: науки, образования, литературы, искусства, медиа, религиозных конфессий. Всего было проинтервьюировано 44 респондента в Минске, Витебске, Полоцке, Бресте, Гродно, Несвиже» (с. 16).

Выбранные анонимные эксперты (некоторых из них можно узнать по «ключевым цитатам» из их интервью, опубликованным в книге) являются квалифицированными профессионалами и достойными людьми. Может показаться странным, почему в их составе не оказалось ни одного из известных белорусских социологов, почему не использовались материалы хотя бы публикаций в «Журнале Белорусского государственного университета. Социология» (до 2017 г. – «Социология»). В работе упомянута лишь Елена Гапова – белорусский филолог и социолог, отметившая «красноречивую трансформацию местного политического протеста: даже акции оппозиции стали время от времени проходить на русском языке, что было невозможно представить в 1990-е годы» (с. 58).

К сожалению, ссылки нет, и вообще какие-либо публикации в белорусских изданиях этого автора нам неизвестны. Это может быть связано со стереотипом о том, что белорусская социология есть один из административных ресурсов власти, т. е. она якобы всецело ангажированная. Эту inferнальную мысль упорно пропагандируют некоторые оппозиционные СМИ и интернет, полагая, что именно они независимы от государства и, следовательно, объективны. Однако это двойная нелепость: во-первых, негосударственные организации, исследовательские службы живут за счет средств зарубежных спонсоров и вынуждены выполнять все их установки и даже капризы. Во-вторых, современной белорусской власти не требуется ни лесть, ни социологическая апологетика, так как она по большому счету нуждается в подлинной картине социальной реальности, с выявлением настроений и ожиданий людей, степени их удовлетворенности жизнью, легитимированных населением тенденций развития и, конечно, «узких мест», мешающих

⁵Георгиева Т. С. Русская культура. История и современность. Москва : Юрайт М, 2000. С. 43.

⁶Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Беларуси с древнейших времен до настоящего времени. Минск : Аверсев, 2000. С. 21.

общественному порядку, безопасности и стабильности. Социология в Беларуси, как и в любой стране, служит обществу, сохранению его целостности, своему народу и суверенному государству. В этом смысле она действительно положительно ангажированная, т. е. непродажная, наука. Думается, что невольный учет указанного стереотипа помешал российским «странствующим социологам» начать свое знакомство со страной с общения с коллегами – белорусскими социологами, что непременно сделал бы наш исследователь, окажись он с аналогичным заданием в любой точке России.

Один из экспертов произнес, на наш взгляд, сомнительные слова: «Самая большая определенность белорусов – это их неопределенность» (с. 88). Поясняется, что это высказывание принадлежит мужчине среднего возраста, который работает в сфере культуры, образования. Фраза выделена в тексте, что говорит о внимании к ней и согласии авторов с этими словами. Эксперт, видимо, не заметил, что создал новый оксюморон, соединив исключаящие друг друга противоположности – «определенная неопределенность», типа жареный лед, прямая кривизна и т. п.

В науке это недопустимо, но как поэтическая метафора широко используется – вспомним «Горячий снег» Ю. Бондарева. Неопределенность – это слово, заимствованное из повседневного разговорного языка и вошедшее в научный оборот. Такие слова Л. С. Выготский называл житейскими понятиями, поскольку это не собственно научные термины, а лишь вспомогательные конструкции как общие представления, понятные всем. В науке это слово часто используется как коррелят индетерминизма. Имеется в виду отрицание детерминизма, признающего каузальную обусловленность явлений и событий в природе и обществе. Индетерминизм утверждает их зависимость от случая, а следовательно, неопределенность. Применительно к человеку это течение абсолютизирует свободу воли, превращая ее в своеволие и произвол. Называя главной чертой белорусов неопределенность, эксперт, скорее всего, имеет в виду нерешительность, податливость влияниям, колебания в выборе, балансировку, амбивалентность (неоднозначность), избегание риска, консерватизм, сервиллизм, смирение, трусость и подобные качества, приписываемые народу некоторыми оппозиционными авторами, уязвленными тем, что народ не следует либеральным установкам, не поддерживает акции протеста, не борется с властью, не стремится разрушить государственный строй, дружит с Россией и не рвется в Европу. Ни о каком объективном анализе подобных атрибуций говорить не приходится. Для более глубокого понимания неопределенности

полезно обратиться к мыслям Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831). Рассматривая проблематику влечений, он отмечал, что у животных они предзаданы инстинктами: одни из них травоядные, другие – плотоядные, и замена пищи невозможна. «Человек же как нечто совершенно неопределенное стоит над влечениями и может определять и полагать их в качестве своих»⁷.

Чтобы преодолеть неопределенность, нужно усилием воли принять решение. «Воля, которая ничего не решает, не есть действительная воля; бесхарактерный человек никогда не приходит к решению»⁸, т. е. остается в фазе неопределенности. Можно ли белорусов назвать бесхарактерными? Правда, смешной вопрос. В начале 1990-х гг. один из российских генералов в сердцах обронил: «Наша армия заметно ослабла после того, как ушли белорусы». Заметим, что он не пожалел ни о прибалтах, ни об украинцах, ни о солдатах из кавказских или среднеазиатских республик, а именно о белорусах. Это показательно. Василь Быков в одном из интервью говорил о солдатах-белорусах на войне: «Они не геройствовали, но, если белоруса посадили в окоп с приказом держаться до конца, он не покидал окоп, даже если на него шли танки». Эта дисциплинированность и ответственная исполнительность, видимо, в крови у белорусов.

В третьей главе, написанной Ю. Юшковой-Борисовой, выделен специальный подраздел «Национальный характер». Опрашивались те же 44 респондента, которым предлагалось назвать три самых характерных качества белорусов и оценить по шкале *присуще вполне – не присуще вовсе* парные оппозиции качеств. Было названо более 20 качеств, в их числе стойкость – основное белорусское качество. Его выделил и эксперт, отметивший «неопределенность» белорусов, что подтверждает метафоричность его высказывания. Многими было названо такое слово, как «помярковность» (так это слово пишется авторами), причем в позитивном и негативном ключе. Более того, чем выше статус респондентов, тем меньше оно им нравится. Здесь возможна лингвистическая аберрация (отклонение от смысла). На наш взгляд, помяркоўнасць – это общечеловеческая ценность, как и справедливость, альтруизм, совесть, эмпатия и др. Она свойственна всем народам, хотя у каждого имеет свое обозначение.

Гегель считал, что абсолютной свободой воли, т. е. полной неопределенностью, обладает только «мировой дух», у человека она должна быть ограничена разумом. «Обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем именно в произволе заключена причина его несвободы»⁹. Имен-

⁷ Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва : Мысль, 1990. С. 77.

⁸ Там же. С. 78–79.

⁹ Там же. С. 84.

но из таких любителей неограниченной свободы, детей из богатых семей, и вырастают чаще всего кадры «золотой молодежи»: мажоры, нонконформисты, диссиденты, декаденты или просто тунядцы. Е. Кончаловский недавно снял фильм «Луна» о мажоре, которого отец – большой чиновник – отправил на перевоспитание на северный остров под названием Луна. Режиссер, выросший в знаменитой семье Михалковых – Кончаловских, отмечает в интервью: «Они на совершеннолетие получают Range Rover. Это данность для них, поэтому смысл жизни потерян. Сначала родители дают блага, а потом удивляются: откуда такие дети»¹⁰.

Выделяются такие качества белорусов, как умение балансировать между различными факторами, скромность, способность манипулировать ситуацией, собой и собеседником (но, думается, не для обмана, а для «пристройки», согласованности), неконтактность (дистанционность), миролюбие (не пацифизм, а сдерживание своей воинственности, агрессии). Нельзя не согласиться со следующим наблюдением: «Порой нам требовался час и даже больше, чтобы наш собеседник оставил попытки понять, что мы хотим услышать, и начал говорить то, что он хочет сказать» (с. 155). Ситуация достаточно типичная, и чем острее тема, тем дольше осуществляется эта настройка на откровенность.

В связи с приписыванием белорусам неопределенности, хотелось бы отметить следующий момент. В многовековой истории народа крайне мало белорусов можно причислить к фанатикам, даже в религиозной жизни. В повседневности они, можно сказать, следовали примеру Галилео Галилея (1564–1642), чаще и не зная об этом. Как известно, великий ученый был в 1633 г. привлечен к суду инквизицией, которая приговорила его к отречению от гелиоцентризма, т. е. от признания того, что Земля вращается вокруг Солнца, с угрозой (при отказе) подвергнуть аутодафе (сожжению), как 33 года до этого «еретика» Дж. Бруно. Не терзаясь особыми сомнениями, Галилей зачитал подготовленный судом текст отречения и был отпущен с запретом заниматься астрономией. Он прожил еще 9 лет, и за это время создал основы динамики и учение о сопротивлении материалов (знаменитый сопромат). При этом ученый твердо и уверенно повторял про себя: «А все-таки она вертится». Так и белорусы в случаях крайней необходимости становились униатами, записывались в католики, говорили по-польски, но в душе свято хранили свои этнические корни, свою православную веру. Если это неопределенность, то только для стороннего наблюдателя. Для народа она, скорее, мимикрия – витальная адаптация к угрожающим обстоятельствам (как аутодафе для Галилея).

Прекрасный раздел в работе посвящен отношению белорусов к своей земле, кристаллизованному в таком качестве, как вера в землю. Сакральное отношение к земле, некоторое почти языческое почтение и возвеличивание ее, иррациональная вера в землю – все это трудно объяснить чисто прагматически. Оно более похоже на архетипы К. Юнга – коллективное бессознательное как следы от переживаний наших далеких предков, сохраняющиеся в исторической памяти народа в латентной, глубоко закодированной форме и актуализирующиеся в экстремальных ситуациях, таких, например, как чернобыльская катастрофа. Инстинктивная тяга к земле ярко проявилась на рубеже 1980–90-х гг., когда были сняты прежние надуманные опасения относительно того, что разрешение всем желающим иметь дачу усилит частнособственнические установки населения. Дачный бум привел к тому, что сегодня все города – от столицы и областных центров до небольших поселков – окружены дачными кооперативами. Многие горожане приобрели участки в неперспективных деревнях. Стандартный участок дачи равен 8–10 соткам, и застроены они вполне комфортными домами, вплоть до коттеджей в 2–3 этажа, многие с банями и гаражами. Будь такое во время Великой Отечественной войны, это могло бы использоваться как партизанская база, уничтожить которую очень непросто.

И никакой деформации общественного сознания, вредной для государства, нет и в помине. Наоборот, дачное строительство серьезно стимулировало производство материалов, окультуривание заброшенных земель – рассадников сорняков, способствовало улучшению экологии пригородной окружающей среды, а главное – позволило реализовать вечную мечту о единении с природой, связи с землей. Кто-то, возможно, вспомнит одну из пьес Андрея Макаенка, в которой крестьянин проклиная землю за то, что она прикрепила его к месту, поработила, заставила проливать пот в каждодневном тяжелом труде. Думается, что это только художественный прием, своего рода *argumentum ad hominem* – не объективное доказательство, а лишь представление, рассчитанное на чувства человека, который завидует крестьянину, ведь он и собственник, и хозяин, живет на природе, дышит чистым свежим воздухом, и ему не надо ходить в магазин за продуктами, потому что есть все свое и т. д. На самом деле для любого крестьянина земля – высшая ценность. Он глубоко радуется, наблюдая, как растет все, посеянное и посаженное им на земле, гордится и чувствует себя счастливым при сборе урожая... Говоря об отношении белорусов к своей земле, российский исследователь с оправданным

¹⁰ Кончаловский Е. А. Я тоже был мажором // Союз Беларусь – Россия. 2020. 27 февр. С. 4.

пафосом и силой справедливо подчеркивает: «Речь идет о территории, о пространстве, об их энергетике, о месте на планете, о части биосферы, говоря языком русских философов-космистов. И душа белоруса – часть ноосферы, которую он носит в себе, является производным этого пространства. Это сильная и неразрывная связь. Это дает белорусам особую растворенность в пространстве. Это дает им особую ментальную радость, которая, преодолевая барьер обыденного разума, становится сильной радостью тела, стоит только опустить руки в землю. Это сильная, энергетическая и непрерываемая связь. Особая связь. Она выше государственных границ. Она больше любви» (с. 137–138).

К сказанному о национальном характере белорусов следовало бы добавить терпение (терпеливость). Это качество является стержневым, центрирующим белорусский характер. Именно оно в большей степени, чем другие качества, выделенные В. В. Кириенко в портрете народа (гостеприимство, трудолюбие, доброжелательность, толерантность и др.), отличает белорусов. В нашей статье «Номо Ратиенс – человек терпеливый: социологический анализ», опубликованной в журнале «Социология» (2012, № 2, с. 108–122), раскрыто содержание данного феномена, показано его зарождение и приобретение им доминантного статуса в белорусском этносе. Отмечено, что к настоящему времени он фактически вытеснен из политического оборота и понятийного аппарата социогуманитарной науки. А между тем в истории мировой мысли – от Конфуция, Зенона (основателя стоицизма), Сенеки, Г. В. Ф. Гегеля, М. Шелера (родоначальника философской антропологии), В. Франкла (основателя логотерапии), С. Аверинцева и др. – терпению придавалось первостепенное значение. Так, М. Шелер (1874–1928) писал: «Человек должен научиться терпеть самого себя, в том числе и те склонности, которые он считает дурными и пагубными»¹¹. А. В. Михайлов утверждал: «А терпение настоящее – это когда удары бьющей по нам судьбы не

достигают цели и падают как в пустоту. Надо иметь крепкий запас знаний и мудрости, чтобы было так. Тот, кто всегда сам с собою, кто владеет собою и всем своим, того никуда не поволочишь, тот останется всегда сам собою. С тем ничего не поделает и сама судьба»¹². Вот такое терпение действительно свойственно белорусам, оно вырабатывалось многотрудной историей и непростыми природно-климатическими условиями.

Своей противоречивостью и перманентной острой дискусионностью среди модусов терпения как феномена особенно выделяется самоограничение. Приведем слова Нобелевского лауреата А. И. Солженицына, адресованные западному обществу, но приобретающие все большую актуальность и для наших стран, поскольку и у нас есть субъекты, демонстрирующие свое сверхпотребление и нежелание хоть как-то соблюдать нормы ограничения. «Нелегко будет такой поворот (к самоограничению. – С. III.) западной свободной экономики, это революционная ломка, полная перестройка всех представлений и целей... Стимул к самоограничению еще никогда не существовал в буржуазной экономике, но как легко и как давно он мог быть сформулирован из нравственных соображений. Исходные понятия частной собственности, частной экономической инициативы природны человеку и нужны для личной свободы и его нормальному самочувствию, и благодетельны были бы для общества, если бы только носители их самоограничились, а не довели бы размером и напором своей собственности и корысти до социального зла, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу. Именно в ответ на бесстыдство неограниченной наживы развился и весь социализм»¹³.

Книга С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой достойна того, чтобы каждый человек, размышляющий о себе, своей семье и белорусском обществе, внимательно прочитал ее.

С. А. Шавель¹⁴

¹¹ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблемы человека в западной философии / сост. и посл. П. С. Гуревича ; под общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 75.

¹² Михайлов А. В. Итоги // Наш современник. 1990. № 12. С. 36.

¹³ Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Новый мир. 1991. №5.

¹⁴ Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus.